

... ЧТО СТАЛО С НАМИ, И ПОЧЕМУ Я ЭМИГРАНТ?

(К вопросу о русской литературе в эмиграции)

Работая переводчицей на разнообразных международных коллоквиумах, симпозиумах и пр., мне часто приходилось наблюдать, поначалу с удивлением, а потом уже и без, одну и ту же странную картину. Начавшиеся было дискуссии быстро заходили в тупик, пока кто-нибудь не говорил: "Господа (товарищи)! Так дело не пойдет. Давайте договоримся о терминологии." Дальше долгие часы, а то и дни, уходили на приведение к общему знаменателю проклятой терминологии, так ни к чему и не приведя, а потом, махнув рукой, участники скороговоркой зачитывали подготовленные доклады, спеша на заключительный банкет.

Курьез этот припомнился мне, когда я прочитала статью Вадима Фадына "Обитаемые островки", написанную в виде полемики с интервью поэта Вальдемара Вебера, появившимся недавно в газете "Европа – Экспресс", которая выходит в Берлине на русском языке. Интерес газеты к личности и творчеству Вебера понятен. Он – не только один из лучших переводчиков немецкой литературы, но и поэт и прозаик, активно работающий одновременно на двух языках. Качество его последних стихов и прозы таково, что на него в последнее время посыпались литературные премии в разных странах: например, премия ПЕН-КЛУБА Лихтенштейна за немецкий вариант книги стихов "Черепки", которая вышла недавно в Москве и вызвала лавину рецензий, премия российского конкурса им. Маковского за лучшую прозу, только что присужденная "гражданину Германии", как уточняет в своей статье В.Фадин. Статья эта представляет собой яркий пример того, чем оборачивается цитирование в отрыве от контекста и разница в толковании таких понятий как "диаспора", "эмиграция" и т.д.

Ничего обидного для русских писателей, живущих за границей, в интервью Вальдемара Вебера нет. Бывший в свое время легендой в переводческой среде не сколько благодаря своим стихам, сколько своей баснословной честности, порядочности и отзывчивости, в сочетании с известным узкому кругу бесстрашием, Вебер касается темы русской диаспоры только потому, что ему был задан этот вопрос. Высказав свое мнение о проблемах художественного перевода, под которым наверняка распишется каждый опытный переводчик, он дает, с присущей ему мягкостью, формулу простую и верную, как теорема Пифагора:

"...у современной русской эмиграции в мире нет никакой задачи. За исключением определенного числа российских немцев с глубоким немецким самосознанием (но без языка), а также немногочисленной части евреев, уехавших как еврейские диссиденты, современная русскоязычная эмиграция – это беженцы от постсоветских жизненных неудобств как материального, так и духовного характера... Другими словами, они приехали сюда, потому что здесь не так голодно, человечнее жизнь, и вообще все человечнее".

И дальше : *"...не нужно оправдывать свой переезд сюда мотивами развития русской культуры, и так далее. Это такая гордыня! Русские писатели в Нью-Йорке пишут по-русски, потому что не могут по-английски. Их дети писать по-русски не будут. Да и говорить не всегда будут. Поэтому любой газете на русском языке и любому журналу отведена временная роль."*

Иными словами, Вебер считает, а точнее, надеется, что через поколение в России наступят сносные условия жизни, в том числе и для творческой интеллигенции, которая за истекшие десять лет дружно проголосовала ногами в ответ на торжество демократии. Ну так ведь многие из нас надеются. Единственно, мне кажется, что слово "гордыня" тут не подходит. Просто Вебер, которому чужда трусость, зато присуща

доверчивость, принимает любое заявление за чистую монету. Я думаю, что люди, пишущие о некой миссии, не хотят прямо сказать, почему они не живут в России и почему не желают интегрироваться. Боятся обвинений в измене Родине? Скорее, боятся проявить нелояльность к нынешним российским хозяевам жизни, как в прежние времена не спешили обнародовать свое отношение к советской власти. За исключением одиночек.

Но ведь смог же без риска для жизни охарактеризовать ситуацию в России Сергей Глазьев в своей книге "Геноцид": *"Проводившаяся под видом прогрессивных реформ политика присвоения национального богатства властвующей олигархией повлекла за собой деградацию значительной части человеческого потенциала страны, обесценение образования и квалификации миллионов специалистов и рабочих, десятки миллионов личных катастроф людей, поставленных в невыносимые жизненные условия"*. Так в чем же риск для русских литераторов за рубежом, собственно, так же подпадающих под эту статистику? Лишиться потенциальной мафиозной литературной премии в покинутой (для многих – временно) России? Или легенда создается в надежде на государственные субсидии приютившей страны? Вебер об этом пишет без обиняков: *"Мне кажется, что немцы, при всем их европеизме, все больше начинают осознавать, что им надо заботиться о сохранении своей собственной культуры и своего языка. Государственных денег отпустить на развитие чужих культур они не будут."* Не то чтобы он этого не хотел, просто констатирует факт.

Я сама недавно столкнулась с многочисленными проявлениями таких надежд в связи с созданием ассоциации, имеющей целью объединить некоторое количество поэтов, прозаиков, художников, переводчиков и всех желающих, большей частью русских и интересующихся Россией французов – не с целью пресловутой миссии или тусовки, а с целью дружеского общения, обмена информацией, взаимопомощи. Так вот, мне пришлось отбиваться, а затем переносить оскорбления, от многочисленных кандидатов в казначеи и желающих делить, и даже "отмывать" не существующие в помине деньги, которые якобы должно дать французское государство. Все же ассоциация благополучно создалась и работает без единого су.

Правда, в Германии ситуация сложилась своеобразная – там, по слухам, одних русских писателей столько, что хоть союз писателей открывай. Хотя открывай-не открывай, местные слависты по славной традиции на живущих у них под боком русских писателей внимания не обращают, будь они хоть трижды гении. Но это не беда, а беда, на мой взгляд, в том, что же именно - не только В.Фадин, а целая общественная группа, объединяющаяся под знаменем миссии - думает о себе и о других. А вот что: *"Активными же хранителями языка могут выступать только литераторы, оттого и особенно важна их роль в диаспорах, /.../ теперь, когда в России на язык обрушился второй удар, нанесенный частью населения, до сих пор знавшей свое место на черных, подсобных работах..."*. Ну и так далее. Кстати, этот удар и обрушился оттого, что в России теперь пишут и вещают по радио и телевидению, уж не взыщите, остатки от уехавших. Действительно, ужас что пишут и вещают. Но в большинстве, а не в целом.

Это отношение к прочему населению духовных наследников "русского барства" (Достоевский) стоило России двух сокрушительных революций, дважды поставивших под вопрос не только существование "родной речи и великой литературы", которые В.Фадин зачем-то хочет передать "чужой среде", но существование страны вообще. Жизнь миллионов людей. В результате такого деления человечества на толпу и элиту эта "толпа" в критический момент оказывается на стороне разрушителей, а бегущие от посеянной ими бури властители дум - там, где "все человечнее". И сотни тысяч разделяющих их взглядов тоже. Об этом очень хорошо писал пятьдесят лет назад Иван Солоневич. Об этом задолго до него писал Герцен, что не будет у нас Европы, пока мы не научимся уважать любого человека. Так кто же прав – немец Вебер,

считающий, что спасти русскую культуру надо на пространстве "от Бреста до Владивостока" или проживающие на западе русские литераторы, желающие отсюда спасти "не засоренный жаргоном шпаны и уголовников" русский язык? И кто же более русский? Как говорил великий русский поляк Вацлав Нижинский, "русский – тот, кто любит Россию".

Галина Погожева (Париж)

Журнал «Крещатик», 2002, выпуск 18.

<http://www.kreschatik.kiev.ua/18/29.htm>